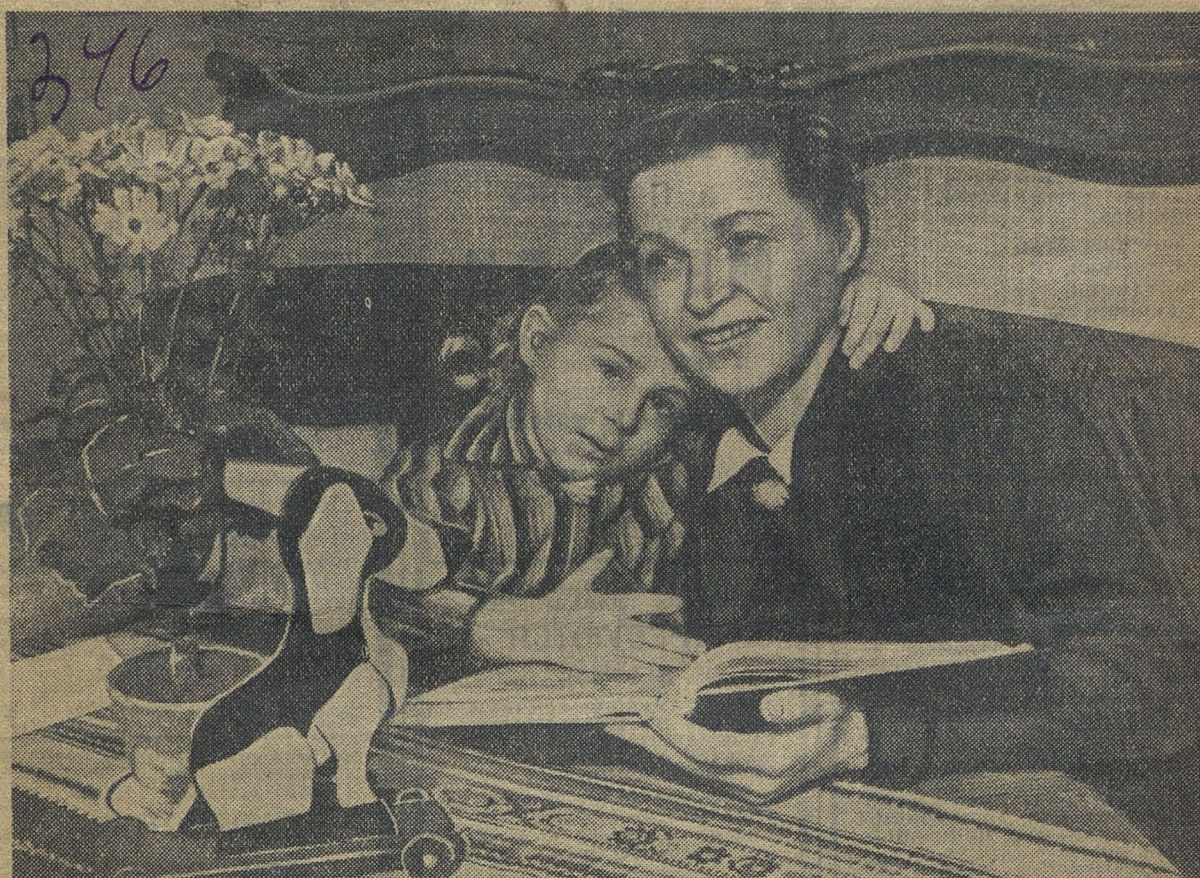

Заслуженная артистка РСФСР Вера Петровна Марецкая со своей дочерью Машенькой.

К ИТОГАМ
СЕЗОНА
В МОСКВЕ

В. П. Марецкая

В СПЕКТАКЛЯХ «МАШЕНЬКА» И «ТРАКТИРЩИЦА»

КОГДА В. П. Марецкая сыграла Машеньку в одноименной пьесе А. Н. Афиногенова, то прежде всего всех поразило то искусство полного перевоплощения, при котором никто бы не мог сказать, не руководствуясь афишей и программой:

— Вот эта актриса перед тем играла здесь Мирандолину в пьесе Гольдони «Трактирщица»...

И действительно, даже люди, знающие Марецкую с ее первых шагов по б. студии Ю. А. Завадского, не смогли бы узнать ее в этом очаровательном, застенчивом, робком, простодушном, доверчивом подростке, впервые познающем дружбу, ласку и любовь. И в виду того, что это было сыграно после яркой, солнечной, бурной, лукавой и «агрессивной» Мирандолины, женщины, знающей тонко и совершенно все уловки кокетства и игры в любовь, то именно об этом искусстве перевоплощения и писали преимущественно все, кто откликнулся на новую ее роль.

А между тем дело было здесь не только в одном этом. Искусство полнейшего преображения, сценического перевоплощения — очень ценное и высокое свойство таланта актера, но одно оно не может дать

полного эстетического наслаждения. Таким актером, например, был И. И. Сосницкий, о котором писал Белинский: «В этом отношении из русских актеров у Сосницкого едва ли есть соперники. Самого Каратыгина, глубоко постигнувшего эту внешнюю сторону искусства, вы всегда узнаете по голосу и еще по чему-то особенному, только ему принадлежащему; но Сосницкий перерождается, подобно Протею, в тех ролях, которыми может овладеть вполне». И все же Белинский неизменно предпочитал ему Щепкина, того Щепкина, которого «вы везде и во всем узнаете». И предпочитал потому, что его игра была «творческой», что он был всегда «хозяйном» роли, что он был «не помощником автора, но соперником его в создании роли», оставаясь все же ему верным в раскрытии идеи пьесы.

Мне кажется, что игра Марецкой именно потому так пленительна, что зритель всегда чувствует эту «творческую» природу ее таланта, любясь тем, как она «создает» заново роль. Я не знаю, что сказал бы Гольдони про ее Мирандолину, но я твердо уверен в том, что Афиногенов безмерно благодарен Марецкой, ставшей «соперником», так

сказать, соавтором его по пьесе «Машенька».

Вся эта роль сделана, создана, «пропета» на одном дыхании, на одном вдохновенном проникновении в душу пятнадцатилетней девочки, стоящей на пороге жизни. Можно ловко и умело прицепить косички и выработать слегка угловатую походку, можно удачно имитировать пугливый взгляд и неуверенный жест, но где, откуда, из каких «приемов» может притти и этот еще не установившийся, ломающийся от скрытого волнения голос, и эти трепещущие правдой свежие и впервые познанных чувств интонации, и эта непосредственность и правдивость каждого произносимого на сцене слова?

Все это приходит тогда, когда артист преодолевает «память рабскую» и «вольно предается вдохновению». Так играла пушкинская Лаура, так играет Марецкая. Это не значит, что она долго и тщательно не работала над ролью, но это значит, что афиногеновская Машенька вошла в ее плоть и кровь, что артистка воплотила в этом образе какую-то часть своей души, возможно, воскресила и свои «девичьи» воспоминания и переживания, что в момент спектакля она и Машенька — одно и то же лицо. Вот отчего порой кажется, что артистка творит в приемах импровизации, что она вот-вот только что нашла и эти слова и эти движения. В действительности этого нет, но эта иллюзия и есть достовернейшее свидетельство полнейшего овладения ролью.

Эта же иллюзия возникает, когда смотришь Марецкую в роли Мирандолины. Уж не Гоцци ли написал для нее лишь канву роли, оставив ей полную свободу говорить, что ей вздумается и что подскажет поведение партнеров на сцене? Нет, она играет Гольдони, роль написана полностью, но она играет с такой легкостью, с такой грацией совершенной естественности, с такой органической непринужденностью, что кажется импровизацией актрисы. Марецкая в этой роли как бы снимает все проблемы переводческой работы, она может сказать ту или иную фразу — и по Гольдони и не по Гольдони, но это будет звучать одинаково верно, потому что ее Мирандолина верна не слову, а духу, стилю, жанру театра Гольдони в целом.

Сыграв Машеньку и Мирандолину, Марецкая показала, что ей одинаково доступны и слезы, и смех, и драматическая патетика, и комедийный юмор, и скупость в выражении страдания, и расточительность в изображении лукавства и веселой насмешливости. В ее Машеньке нет ни одного лишнего жеста, ни одной особо подчеркнутой интонации. Она говорит, но впечатление такое, что она только слушает и смотрит на мир широко открытыми и чистыми глазами. И, наоборот, ее Мирандолина — вся в движении, вся в разговорах, она заполняет собой всю сцену, и когда ее нет, кажется, что где-то слышится ее голос. И, однако, каждое ее движение имеет цель, каждое ее слово «играет» и движет интригу.

Диалог здесь искрится всеми переживаниями юмора и жизнерадостности. Это — юг в его солнечности и обилии красок, в то время как ее Машенька — это север в его сдержанности, сосредоточенности и силе.

И еще одно. Роль в исполнении Марецкой растет и углубляется не только потому, что драматург развивает сюжет, но и потому, что артистка обогащает ее своими чувствами и мыслями. Ее Машенька уходит со сцены другой, чем вошла, ее Мирандолина как бы расцветает на наших глазах, пленяя не только женскими чарами, но и тонкостью своего ума и разнообразием своих интонаций. Можно иначе играть героиню пьесы Афиногенова, можно (и, может быть, должно) иначе играть героиню комедии Гольдони, подчеркивая резче и откровеннее ее «плебейскую» природу, но в «ключе» Марецкой, в ее понимании и замысле, в плане ее творческой индивидуальности иначе — совершеннее и законченнее — играть нельзя. Вот отчего, даже не соглашаясь с ней иногда в трактовке роли, уходишь с ее спектаклей радостным и возбужденным. Вот отчего в спорах о «Трактирщице» и «Машеньке» аргумент «от Марецкой» является решающим.

В итогах театрального сезона эти две роли, созданные В. П. Марецкой, должны занять почетное место. И есть радость в мысли о том, что эта замечательная артистка творчески родилась в советском театре.

М. ЗАГОРСКИЙ.